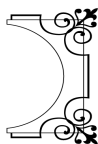

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

Лет тому тридцать мисс Марии Уорд из Хантингдона, Лимевшей всего семь тысяч фунтов, посчастливилось пленить сэра Томаса Бертрама из Мэнсфилд-парка, что в графстве Нортгемптоншир, и таким образом возвыситься до положения жены баронета, владелицы прекрасного дома и значительного дохода со всеми вытекающими отсюда удобствами и возможностями. Весь Хантингдон пришел в восторг от столь замечательной партии, а ее дядя, адвокат, к тому же расстарался, чтоб у ней оказалось еще по крайней мере на три тысячи фунтов меньше, чем полагалось бы невесте такого лица. У ней были две сестры, коим ее успех должен был помочь в жизни; и те из знакомых, кто почитал наружность старшей мисс Уорд и мисс Франсис такую же привлекательной, как и мисс Марии, не колеблясь, прочили им столь же завидное замужество. Но, право, на свете куда меньше мужчин с большим состоянием, нежели хорошеньких женщин, которые их достойны. По прошествии шести лет мисс Уорд вынуждена была связать свою судьбу с другом своего зятя, преподобным мистером Норрисом, у кого, можно сказать, и состояния-то никакого не было, а мисс Франсис преуспела и того менее. Благодаря попечению сэра Томаса, сумевшего предоставить своему другу место приходского священника в Мэнсфилде, брак мисс Уорд, в сущности, оказался не вовсе жалким, и семейное счастье четы Норрис началось при доходе почти что в тысячу фунтов в год. А мисс Франсис вышла замуж, чтобы,

как говорится, досадить своему семейству, чего и достигла в полной мере, связав жизнь с моряком, лейтенантом без образования, состояния и связей. Трудно было бы сделать выбор неудачнее. Сэр Томас Бертрам, человек влиятельный, столько же из принципа, сколько из гордости, а также из свойственного ему желания поступать по справедливости и видеть всех своих близких устроенными благопристойно, с радостью употребил бы свое влияние на пользу сестре леди Бертрам; но профессия ее мужа была такова, что это оказалось ему не по силам; и еще прежде, нежели он успел измыслить какой-либо иной способ помочь молодым супругам, между сестрами произошел совершенный разрыв. То было естественное следствие такого поведения обеих сторон, какое почти всегда вызывается опрометчивым браком. Желая избежать бесполезных увещеваний, миссис Прайс написала обо всем семье, лишь когда бракосочетание уже совершилось. Леди Бертрам, наделенная характером на редкость покладистым и вялым, отчего ее трудно было вывести из равновесия, удовольствовалась бы тем, что просто махнула бы на сестру рукой и более не стала думать о произошедшем; но миссис Норрис, натура деятельная, не могла успокоиться, пока не написала Фанни длинное гневное письмо, в котором высказалась об ее безрассудном поведении и предвещала сестре всевозможные дурные последствия. Миссис Прайс, в свой черед, была уязвлена и разгневана; и ответное письмо, исполненное ожесточения против сестер и содержащее столь неуважительные замечания касательно сэра Бертрама, что миссис Норрис никак не могла сохранить его в тайне, надолго положило конец всяким отношениям между ними.

Они жили в таком отдалении друг от друга и вращались в кругах таких различных, что в последующие одиннадцать лет почти вовсе лишены были возможности получать вести друг о друге; во всяком случае, сэра Бертрама до крайности удивило, когда миссис Норрис вдруг сердито сообщила им — как она делала время от времени, — что у Фанни родился еще один ребенок. Но к концу этих одиннадцати

лет миссис Прайс уже не могла долее позволить себе тешить свою гордость и обиду или пренебрегать родством, от которого можно было бы ждать помощи. Большая и все увеличивающаяся семья, муж, негодный к службе, однако же всегда готовый выпить в компании приятелей, и весьма скромные средства для удовлетворения всех нужд заставили ее вспомнить о родных, от которых она так беспечно отказалась; она написала к леди Бертрам, и письмо ее свидетельствовало о таком искреннем раскаянии и унынии, о таком обилии детей и почти полном отсутствии чуть ли не всего прочего, что оно не могло не привести к всеобщему примирению. Миссис Прайс предстояли вскорости девятыя роды, и, посетовав по сему поводу и прося о покровительстве ожидаемому младенцу, она не скрыла от родных, как важна была бы их поддержка для будущего благополучия ее восьмерых подрастающих отпрысков. Старшенький, красивый, живой мальчик, мечтает повидать мир, но как ему помочь? Не окажется ли он в дальнейшем полезен сэру Томасу в связи с его собственностью в Вест-Индии? Ему подойдет самая скромная должность... А что скажет сэр Томас о Вулидже? Или, может быть, отправить мальчика на Восток?

Письмо оказало свое действие. Оно восстановило мир и благожелательность. Сэр Томас передал дружеские заверения и советы. Леди Бертрам отправила деньги и детское приданое, миссис Норрис присовокупила к этому письма.

Таковы были прямые последствия, но не прошло и года, как послание миссис Прайс принесло еще более весомые плоды.

Миссис Норрис часто говаривала, что бедняжка сестра и ее семейство не идут у ней из головы и, как ни много уже для нее сделано, несчастная миссис Прайс, кажется, еще нуждается в помощи: надо бы ее полностью освободить от забот и трат, приходящихся на долю одного из ее многочисленных чад.

— Не взять ли нам на себя попечение о ее старшей дочери, девочке сейчас девять лет, этот возраст нуждается

в большем внимании, нежели ей способна уделить бедняжка мать?хлопоты и расходы, каковые потребуются от родных, сущие пустяки по сравнению с таким благодеянием.

Леди Бертрам тотчас с нею согласилась.

— Лучше не придумаешь, — сказала она. — Надобно послать за девочкой.

Сэр Томас не мог одобрить эту мысль столь же быстро и безоговорочно; он размышлял и колебался: это дело серьезное, девочка, достойным образом воспитанная, должна быть и соответственно обеспечена, в противном случае, забрав ее из семьи, они совершат не добро, а жестокость. Он думал о своих четверых детях, о двоих сыновьях, о любви, что нередко вспыхивает у кузенов, и тому подобном; но едва он стал осторожно высказывать свои возражения, как миссис Норрис прервала его и ответила на них все, высказанные и невысказанные:

— Любезный сэр Томас, я полностью вас понимаю и отдаю должное великодушию и деликатности ваших мнений, они, конечно же, всецело соответствуют вашим взглядам и поведению; я совершенно согласна с вами в главном, что касается до необходимости сделать все от нас зависящее, чтобы обеспечить дитя, за которое в известном смысле каждый из нас берет на себя ответственность. И уж конечно, ради такого случая я тоже внесу свою скромную лепту. Не имея собственных детей, кого же, кроме детей моих сестер, могу я почитать достойными той малости, что у меня есть?.. И я уверена, мистер Норрис уж такой справедливый, что... ну да вы знаете, не мастерица я говорить и заверять. Да не убоимся мы доброго дела из-за пустяка. Дайте девочке образование и надлежащим образом подготовьте ее к вступлению в жизнь, и можно ставить десять против одного, что все наладится, безо всяких дополнительных расходов с чьей-либо стороны. Скажу прямо, нашей племяннице, или, уж во всяком случае, вашей, сэр Томас, ежели она вырастет в здешних местах, откроется множество возможностей. Не говорю, что в ней так же

будет видна порода, как в ее кузинах. Боюсь, что нет; но она будет введена в общество при столь благоприятных обстоятельствах, что, по всей вероятности, займет в нем подобающее место. Вы думаете о своих сыновьях... Но неужто вы не понимаете, что уж этого менее всего можно опасаться — ведь они стали бы расти вместе, как братья и сестры? То, чего вы страшитесь, совершенно невозможно. Я не знаю тому ни единого примера. Напротив, это самый верный способ предотвратить нежелательные отношения. Представьте, ежели она хорошенькая и Том или Эдмунд увидят ее впервые через семь лет, вот тут, смею сказать, жди беды. Самой мысли, что ей пришлось расти в отдалении ото всех нас, в бедности и небрежении, было бы довольно, чтобы любой из наших милых, добросердечных мальчиков в нее влюбился. Но ежели воспитывать ее с этих пор вместе с ними и пускай она окажется даже ангельски хороша, все равно она будет для них всего только сестрою.

— В ваших словах много правды, — отвечал сэр Томас, — и у меня и в мыслях не было воздвигать воображаемые препятствия перед планом, каковой так сообразуется с положением всех родственников. Я лишь хотел остеречь от поспешных решений, и, чтобы это действительно принесло пользу миссис Прайс и послужило к нашей чести, надо обеспечить девочку или почитать нашею обязанностью обеспечить ее, как пристало женщине нашегословия, в будущем, когда в том возникнет необходимость, ежели судьба ее сложится не столь благополучно, как вы с такой уверенностью предсказали.

— Я совершенно вас понимаю! — воскликнула миссис Норрис. — Вы само великодушие и внимательность, и нам тут, конечно же, не о чем спорить. Вы ведь знаете, ради блага тех, кого я люблю, я на все готова; и хотя никогда я не буду питать к этой девочке и сотой доли тех чувств, какие питаю к вашим милым деткам, потому как никоим образом не могу почитать ее до такой степени своею, однако же я не прошу себе, ежели не стану об ней заботиться. Разве она не

дителя моей сестры? И возможно ли для меня не поделиться с нею, ежели она будет в нужде, последним куском? Любезный сэръ Томас, при всех моих недостатках у меня доброе сердце; и какая я ни бедная, а скорее откажу себе в самом необходимом, чем поступлю невеликодушно. Так что, ежели вы не против, я завтра же напишу к моей бедняжке сестре и сделаю ей это предложение; и коль скоро все будет улажено, сама озабочусь доставить девочку в Мэнсфилд, вам не надобно об этом беспокоиться. Вы ведь знаете, я не считаю за труд лишний раз побеспокоиться. Я нарочно для того пошлю в Лондон Ненни, она остановится у своего родича-шорника, и мы условимся, чтобы девочка там с нею и встрети-лась. Ее запросто могут отправить из Портсмута в Лондон почтовой каретою, препоручив заботам любого внушающего доверие попутчика. Среди пассажиров уж непременно окажется жена какого-нибудь почтенного торговца.

Сэръ Томас запротестовал единственно против родича Ненни, других возражений у него не нашлось, тем самым место встречи заменили более пристойным, хотя и не столь экономным; было сочтено, что все устроилось, и они уже заранее наслаждались своим великодушным поступком. Строго говоря, радость, какую они испытывали, не должна была бы быть одинакова, ибо сэръ Томас исполнился решимости стать истинным и неизменным покровителем маленькой избранницы, тогда как миссис Норрис не имела ни малейшего намерения входить в какие-либо расходы на ее содержание. Что до прогулок, разговоров, всяческих замыслов, тут миссис Норрис было не занимать щедрости, и никто не превзошел бы ее в искусстве требовать широты натуры от других; но любовь к деньгам была у ней равна любви распоряжаться, и потратить денежки своих родных она умела не хуже, чем сберечь свои кровные. Выйдя замуж за человека с доходом более скромным, чем ей хотелось бы, она поначалу вообразила, будто необходимо во всем соблюдать весьма строгую экономию; и то, чему сперва была причиною вынужденная расчетливость, в скором времени пришлось ей по вкусу, стало предметом

неустанного попечения, обыкновенно направляемого на детей, коих у нее не было. Ежели надо было бы содержать большое семейство, миссис Норрис никогда не сберегла бы свои деньги; но такой заботой она не была обременена, и оттого ничто не препятствовало ее бережливости и не убавляло довольства, какое приносил доход, что ежегодно пополнялся и превышал их надобности. Увлеченная страстью к накопительству и при этом не питая истинной привязанности к сестре, она готова была претендовать единственно на честь придумать и привести в действие столь дорогостоящую благотворительность; хотя, могло статься, она так плохо себя знала, что после беседы с сэром Томасом возвращалась домой в счастливой уверенности, будто, кроме нее, нет на свете сестры и тетушки, которой присуща была бы такая широта натуры.

Когда разговор о сем предмете зашел вновь, она высказалась более определенно, и в ответ на безмятежный вопрос леди Бертрам: «Куда девочку сперва привезут, сестра, к тебе или к нам?» — сэр Томас не без удивления услышал, что миссис Норрис ни в коем случае не может взять на себя присмотр за нею. Сэр Томас полагал, что в доме приходского священника, у тетушки, не имеющей своих детей, девочке будут особенно рады, но оказалось, он сильно ошибался. Миссис Норрис с огорчением сказала, что поселить у них ребенка и думать нечего, по крайней мере, при их теперешних обстоятельствах. Из-за незавидного состояния здоровья бедняжки мистера Норриса это никак невозможно: он столь же не в силах переносить шум, связанный с пребыванием в доме ребенка, как летать. Если его перестанет мучить подагра, тогда, конечно, другое дело. Сама она не посмотрит ни на какие неудобства и, в свой черед, будет с радостью брать племянницу к себе. Но как раз сейчас все ее время до минуты отдано бедняжке мистеру Норрису, с ним даже заговорить об этом нельзя, он наверняка тотчас расстроится.

— Тогда лучше ей приехать к нам, — невозмутимо заявила леди Бертрам.

И сэр Томас, подумав, прибавил с достоинством:

— Да, пускай ее дом будет у нас. Мы постараемся исполнить свой долг по отношению к ней, и для нее, по крайней мере, уже то будет хорошо, что она найдет сверстников и опытную гувернантку.

— Воистину так! — воскликнула миссис Норрис. — Оба эти соображения очень важные, и мисс Ли, конечно же, все равно, трех девочек учить или только двух — никакой разницы. Я и рада бы оказаться более полезной, но сами видите, я делаю все, что в моих силах. Я не из тех, кто избегает хлопот, Ненни непременно поедет за нею, как бы ни трудно мне было на три дня остаться без моей главной помощницы. Я думаю, сестра, ты поместишь девочку в белую комнатку наверху, рядом с бывшей детской. Это для нее самое подходящее место, совсем рядом с мисс Ли, и недалеко от девочек, и до горничных рукой подать, любая поможет ей одеться и присмотреть за одеждой, ты ведь, конечно, не думаешь, что Эллис или кто другой должен ей прислуживать, как нашим девочкам. Право, не вижу, куда бы еще ты могла ее поместить.

Леди Бертрам не возражала.

— Надеюсь, она девочка добронравная и будет понимать, какое ей выпало редкостное счастье иметь таких покровителей, — продолжала миссис Норрис.

— Если же нрав у ней окажется дурной, мы из-за наших собственных детей не сможем оставить ее у нас, — сказал сэр Томас. — Но у нас нет оснований ждать такой беды. Многое в ней нам, вероятно, захочется изменить, и надо быть готовыми к вопиющему невежеству, к некоему убожеству взглядов и весьма неприятной вульгарности манер, но эти недостатки не из числа неисправимых, или, во всяком случае, они не опасны для окружающих. Будь она старше моих дочерей, я бы считал, что ввести ее в дом затея весьма рискованная, но при том, как обстоит дело, надеюсь, эта близость им ничем не повредит, а ей всячески пойдет на пользу.

— Я думаю в точности так же и это самое говорила сегодня утром мужу! — воскликнула миссис Норрис. —

Уже одно то, что она окажется в обществе своих кузин, будет способствовать ее воспитанию. Даже если ее ничему не научит мисс Ли, она наберется ума и благородства у них.

— Надеюсь, она не станет дразнить моего мопсика, — сказала леди Бертрам. — Мне едва удалось отвадить от него Джулию.

— Нам предстоит одна сложность, миссис Норрис, — заметил сэр Томас. — Речь идет о надлежащем различии, которое должно существовать между девочками, когда они подрастут: как сохранить у моих дочерей сознание, кто они такие, без того, чтобы они ставили кузину слишком уж низко, и как, не чересчур омрачая ее настроение, не дать ей забывать, что она отнюдь не мисс Бертрам. Я не против, чтобы они подружились, и никак не стал бы поощрять в своих дочерях ни малейшего высокомерия по отношению к их родственнице, но все же она им не ровня. Их положение, состояние, права, виды на будущее всегда будут несравнимы. Тут требуется величайшая деликатность, и вы должны нам помочь в наших стараниях избрать верную линию поведения.

Миссис Норрис заверила зятя, что она всецело к его услугам, и, хотя вполне согласна, что задача это нелегкая, конечно же, он может надеяться, что уж они-то справятся с ней без труда.

Легко поверить, что миссис Норрис написала сестре не напрасно. Миссис Прайс несколько удивилась, что выбор остановили на девочке, когда у ней столько прекрасных мальчиков, но с благодарностью приняла предложение и заверила родных, что ее дочь — девочка благонравная, добросердечная и, она надеется, у них не будет причины отослать ее обратно. Далее она писала, что девочка хрупкая и слабенькая, но от перемены обстановки, без сомнения, окрепнет. Бедная женщина, вероятно, думала, что перемена обстановки пошла бы на пользу всем ее многочисленным детям.

ГЛАВА 2

Девочка благополучно совершила долгое путешествие до Нортгемптона, где ее встретила тетушка Норрис, гордая своим великодушием и своей миссией — приветствовать племянницу, ввести в дом родных и вверить их доброте.

Фанни в ту пору было ровно десять лет, и хотя при первом знакомстве ее наружность ничем особенным не привлекла, но ничем и не оттолкнула. Для своих лет была она маленькая, личико без румянца, без иных бросающихся в глаза признаков красоты; до крайности застенчивая и робкая, она избегала привлекать к себе внимание; но в ее манерах, хотя и неловких, не ощущалось никакой вульгарности, голосок был нежный, и, когда она разговаривала, видно было, как она мила. Сэр Томас и леди Бертрам приняли ее очень сердечно, сэр Томас, видя, как она нуждается в ободрении, старался всячески ее приветить, но натолкнулся на весьма неуместную замкнутость, а леди Бертрам не приложила и половины его усилий, и там, где он произносил десяток слов, обходилась одним, но благодаря всего лишь ее добродушной улыбке девочка сразу же стала дичиться ее куда меньше, чем сэра Томаса.

Юное поколение все находилось дома и охотно, без замешательства внесло свою долю в церемонию знакомства, по крайней мере, это можно было сказать о сыновьях, кои, в свои семнадцать и шестнадцать не по годам высокие, показались маленькой кухне воплощением мужского великолепия. Девочки же, обе моложе братьев и куда больше братьев трепетавшие перед отцом, который обратился к ним в этот час с непомерной торжественностью, были несколько смущены. Но слишком привыкшие быть на людях и слышать похвалы в свой адрес, они не знали ничего похожего на истинную робость, и неуверенность кухни лишь прибавила им уверенности, так что скоро они уже со спокойным равнодушием принялись разглядывать ее лицо и платье.

В семействе Бертрам дети были как на подбор, сыновья хороши собой, девочки, можно сказать, настоящие красавицы.

вицы, и все высокие, статные не по летам, и наружностью они отличались от кузины столь же разительно, как и ма-
нерами, отшлифованными воспитанием; и никому бы и в
голову не пришло, что девочки так близки друг другу по
возрасту. Младшую сестру и Фанни разделяли всего два
года. Джулии Бертрам было только двенадцать, а Марии
всего на год больше. Меж тем маленькая гостья чувство-
вала себя глубоко несчастной. Всех их она боялась, сты-
дилась себя, тосковала по оставленному дому и оттого не
смела поднять глаз и говорила едва слышно или сквозь
слезы. Всю дорогу от Нортгемптона миссис Норрис твер-
дила, какое поразительное ей выпало счастье, и как вели-
ка должна быть ее благодарность, и как примерно следует
себя вести, и вот теперь девочка страдала еще более от со-
знания, что это дурно — не чувствовать себя счастливой.
Скоро оказала себя еще и усталость от столь долгого путе-
шествия. Напрасны были исполненные самых добрых по-
буждений снисходительность сэра Томаса и настойчивые
предсказания тетушки Норрис, что девочка будет хорошей,
напрасно улыбалась леди Бертрам и усадила ее на диван
рядом с собою и с мопсом, не утешил даже пирог с кры-
жовником; она и двух кусочков не съела, как опять поли-
лись слезы, и, подумав, что всего лучше ее успокоит сон,
ее уложили в постель и оставили избывать свои горести.

— Начало не очень многообещающее, — сказала миссис
Норрис, когда Фанни вышла. — После всего, что я говори-
ла ей дороною, я думала, она будет вести себя лучше; я объ-
яснила, как важно ей произвести хорошее впечатление при
первой встрече. Хотела бы я, чтобы в ней не было и толики
угрюмости — ее мать, бедняжка, всегда этим отличалась;
но нам не следует забывать, что она еще ребенок, и вряд
ли ей можно ставить в вину, что она горюет, расставшись
со своим домом, ведь, какой ни есть, это и вправду ее дом,
и ей еще не понять, как изменится к лучшему ее жизнь; но
все-таки во всем должно соблюдать умеренность.

Однако, чтобы Фанни примирилась с незнакомым ей
прежде Мэнсфилд-парком и с разлукой со всем, к чему